

Раздел V ИНФОРМАЦИЯ

Part VI. INFORMATION

СТЕНОГРАММА ВЕБИНАРА «СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ: МНЕНИЯ, ИДЕИ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ»

**Вебинар проходил под руководством академика,
доктора педагогических наук, профессора Я. С. Турбовского**

Участники:

академик РАО Турбовской Яков Семёнович,
д-р психол. наук, профессор Григорович Любовь Алексеевна,
канд. пед. наук Найдёнова Наталья Николаевна,
канд. пед. наук, доцент Филинова Вера Сергеевна,
Гин Анатолий Александрович,
д-р филос. наук, профессор Наливайко Нина Васильевна,
канд. пед. наук Северина Юлия Владимировна,
канд. филос. наук. Лигостаев Александр Георгиевич,
канд. филос. наук Пугачёв Александр Владимирович,
канд. филос. наук Изгарская Анна Анатольевна.

Л. А. Григорович: Добрый день, уважаемые коллеги! Я хорошо знакома со стандартами высшего профессионального образования и первого, и второго, и третьего поколений, уровневыми стандартами. Интересно посмотреть: что делается в области стандартизации школьного образования. Сравнивая стандарты начального и полного общего образования, мне хотелось посмотреть на их соотносимость самих с собой, где, в каких местах они особенно соприкасаются, где, наоборот, такого соприкосновения нет, и мы можем фиксировать разрыв преемственности. Внимание важно уделить тому, насколько этот стандарт отвечает задачам образовательной системы, насколько он согласуется с реально существующей сегодня образовательной практикой.

Сравнивая два последних стандарта, мы видим, что эти два документа соотносятся между собой, один и другой стандарт трактуются как совокупность обязательных требований при реализации основной образовательной программы. Эти требования подразделяются на три основных блока: требования к результатам, требования к структуре и требования к условиям реализации основной образовательной программы. И там, и там приведена общая методологическая основа: и в одном, и в другом стандарте такой считается системно-деятельностный подход. Примерно одни и те же цели сформулированы, они направлены на личностное, интеллектуальное развитие обучающихся, на становление гражданской и социальной идентичности. Также эти задачи направлены на органы управления, администрирования.

Особое внимание хотелось бы уделить анализу соотношения требований, тому, как формулируются требования к необходимому условию выполнения, требования к результатам образовательной программы. И здесь мы видим, что требования представлены в двух вариантах: первый вариант – это портрет выпускника (начального этапа образования и выпускника полной средней школы). И эти портреты предстают не столько как совокупность ожидаемых результатов, сколько как некий ориентир, то, что у П. Я. Гальперина определяется как ориентировочная основа действия, то, что следует перед исполнительской частью. Портрет выпускника сформулирован, но, если говорить про стандарт средней школы, во многом этот портрет идеализирован. Он не поддается какому-то количественному анализу.

Теперь о том, что касается качественного анализа. Пример: я выделила для себя слова, которые трудно зафиксировать: «выпускник школы определяется как любящий свою родину, край и т. д.». Очень сложно определить, что такое «любящий». Как можно это вообще зафиксировать, что является промежуточным результатом формирующейся любви, в каком виде ее можно определить (использовать уже имеющиеся педагогические средства или создавать для этого какие-то инструменты?), не очень понятно.

Еще пример: такое требование к выпускнику, как «осознающий свою ответственность перед семьей, обществом и даже государством». «Осознающий ответственность перед человечеством» – возникают вопросы. Если обратиться к возрастным особенностям (а учет возрастных особенностей прописан и в одном, и в другом стандарте (4, 6 статья)), то становится ясно, что возрастные особенности выпускника школы не дают нам возможности для широкой экстраполяции ответственности и ее сравнения с ответственностью перед всем человечеством. Я не знаю, многие ли взрослые люди осознают ответственность перед человечеством? Это категория слишком абстрактная, и как ее определить в качестве результата образования?

Или массу вопросов у меня вызывает положение: «осознанно выполняющий и пропагандирующий правила здорового, безопасного образа жизни». Я с трудом представляю себе подростка, который пропагандирует здоровый образ жизни. Возрастные особенности говорят нам о том, что в этом возрасте мы часто встречаемся (и это нормально) с некоторым противопоставлением подростковой среды взрослой культуре и взрослым требованиям. Поэтому предполагать и ожидать, что подростки будут пропагандировать «здоровый образ жизни», не очень обоснованно.

Ну и «мотивированный на образование и самообразование» в течение всей своей жизни. Есть масса исследований, которые посвящены изучению возрастных особенностей временной перспективы. Здесь мы видим, что в этом возрасте (если говорить про 16, 17 и даже 18 лет) человек не в состоянии строить так надолго свои планы и быть мотивированным. Может быть, мягче надо было сказать: «на дальнейшее образование, самообразование».

Есть такие вещи, которые изначально сформулированы и нацелены на результаты и задают сразу достаточно высокий уровень сложности при определении этих результатов. Результаты реализации основной образовательной программы прописываются через три группы результатов (в высшем образовании это называется компетенциями): личностные, метапредметные и предметные. С предметными все понятно. Но различие между стандартами начального и полного общего образования проявляется в том, что на втором этапе прописываются уже два предметных уровня: базовый и углубленный. А вот что касается личностных и метапредметных компетенций, то здесь целый ряд компетенций требуют уточнения, создания особых инструментов.

Я глубоко убеждена, что стандарт представляет собой некоторый ориентир для того, чтобы дальше разработать под него целый пакет различных документов и материалов, которые действительно позволили бы перевести это в уровень технологий. С точки зрения технологий, хотя это и заявлено в стандарте, важно следующее: это технология проектной деятельности. Она прописана уже в стандарте среднего образования. Есть отдельная статья, посвященная индивидуальным проектам. А дальше особых технологий реализации этих требований не видно. Целая группа личностных результатов больше отвечает возрастным особенностям подростков и младших школьников. Если сравнивать с портретом выпускника, эти личностные результаты лучше прописаны, они уже конкретнее. Они действительно помогают работающему педагогу понять, на что направлена его деятельность.

Я. С. Турбовской: А можно в обобщенном виде с точки зрения психологии сказать, каково современное состояние разработанности стандартов, не касаясь отдельных примеров? Как, по-вашему, чего там не хватает?

Л. А. Григорович: Я считаю, что там есть некоторые избыточные материалы, связанные с портретом выпускника, с образом того, что нужно сформировать, но при этом не хватает последовательности. Я одно дополнение хочу сделать. Это касается второй части образовательной программы, которая включает в себя несколько программ. В начальной школе заявлено пять программ, которые в сумме создают основную образовательную программу, в средней школе – четыре программы. Если мы отроем программы по отдельным предметам, то найдем там программу духовно-нравственного развития в начальной школе и программу воспитания и социализации. И то, как они сформулированы, а с моей точки зрения, очень коротко, они даже не задают ориентиры, они просто обозначены. Доработка этих программ представляется очень важной.

А. А. Гин: Добрый день, уважаемые коллеги! Я уже выражал свое мнение об открытом информационном пространстве. Оно таково: делать стандарты до их широкого обсуждения. Сама концепция образования в стране – запрягать телегу впереди лошади. Организационный подход к стандартам я считаю совершенно неверным. При этом в стандартах много хорошего и полезного. Но создается впечатление, что они сляпаны с передовых американских разработок, куда были добавлены цитаты и вполне здравые разработки наших ученых. В этом году я провел где-то 23 семинара в Российской Федерации. Мнение учителей из глубинки таково: вы в Москве чего-то придумываете, а мы как работали, так и будем работать. Меня, наверно, считали согласным с этими разработками, потому что я был из Москвы. На собраниях доминируют другие речи, но говорят и так. Это я к тому, что разработка стандартов без соответствующих инструментов – просто профанация. Есть еще одна важная вещь: если оплата работы педагогов не привязана к реальным компетенциям, требуемым от них стандартами, то учителя никогда не будут стимулированы выполнять что-то реально.

Отдельный вопрос – это содержание знаний в отдельных стандартах. Мне кажется, там излишняя дотошность есть. Например, в начальной школе есть тема про ядовитые грибы, она идет с 1960-х гг. Я не уверен, что все дети огромной страны и разных территорий должны обязательно изучать такую тему. Подавляющее большинство из них никогда не будет в лесу и никогда не увидят, а деревенские дети, наоборот, знают про ядовитые грибы гораздо больше, чем авторы учебника. Вообще любые попытки регулировать жизнь стандартами должны быть очень аккуратными. Я приведу пример. Когда-то я был классным руководителем 10-го класса. Это был единственный класс, где никто из мальчиков не курил. Почему они не курили? Потому что они мне подражали. Я таскал их в походы, по воскресеньям занимался в спортзале, мы друг друга били, извиняюсь, в боксе, и я сам не курил. Но я также был единственным классным руководителем,

который получил выговор на педсовете за то, что не провел с детьми беседу о вреде курения. Потому что было брежневское время, если помните, шла четкая разрядка – провести беседы о вреде курения, о здоровом образе жизни, о вреде пьянства и др. Я не проводил беседы в своем классе именно потому, чтобы не подталкивать их вообще к этой теме, чтобы о ней не говорили никогда, потому что сам в подростковом возрасте я курил с девятого класса в знак протеста, потому что это запрещалось, учителя не рекомендовали и т. д. Как бывший троечник говорю, что это присуще и сегодняшним детям тоже. Вот все, что я хотел сказать.

Обобщая, я хочу подчеркнуть, что принятие стандартов было преждевременным и неаккуратным. Особенно мы помним попытку принятия стандарта, где было четыре обязательных предмета. Потом помним крики вполне уважаемых наших коллег, ну, Асмолова, например; я лично слышал от него (вместе мы участвовали в каком-то круглом столе): «Общество, именно про эти вот стандарты, не поняло, что детей учат тому, чтобы они имели право выбора». На мой взгляд, стандарты – это полная ахинея, потому что есть огромные возможности внутри каждого предмета, внутри любого урока, реальная возможность учить детей выбору чего-то. Я очень много изложил в книге о педагогической технике, где есть принцип свободы выбора, который внедряется очень многими приемами. Есть еще масса разных вариантов, а не так вот просто ограничить – выбери себе это направление или вот это, или вот это. В восьмом классе мне в дурном сне не могло привидеться, что я стану физиком, у меня была тройка по физике, а я закончил университет с красным дипломом физика и с третьего курса участвовал в научных конференциях. Моя работа победила на Всесоюзном конкурсе студенческих научных работ. Я абсолютно не представлял себе, что буду физиком. Это случайность: попался учитель, заслуженный учитель республики, он пробудил во мне интерес к физике, так что я к концу десятого класса успешно решал любые задачи. Поэтому все эти стандарты – это очень грубо, они живую жизнь загоняют в какие-то рамки достаточно непродуманно.

А. А. Изгарская: Можно вопрос Любови Алексеевне? Вопрос следующий. Вот несколько лет идет внедрение такой замечательной программы, как «Основы религиозных культур и светской этики». И программа идет в четвертом, насколько я знаю, сейчас и в пятом классах. Как Вам кажется, когда у детей еще не сформировано критическое, рациональное мышление, полезно ли детям давать представление о мире с религиозных позиций, при том что в одиннадцатом, десятом классах астрономия преподается как факультативный предмет. Вам не кажется, что здесь используются какие-то психологические моменты неготовности, чтобы навязать религиозное мышление?

Я. С. Турбовской: Скажите, как вас зовут?

А. А. Изгарская. Меня зовут Анна Анатольевна.

Я. С. Турбовской. Анна Анатольевна, этот вопрос не относится к стандартам, но Любовь Алексеевна ответит на этот вопрос, тем более что ответы на него прозрачны.

Л. А. Григорович. Я уверена, что вопросы воспитания – это все равно вопросы семьи. Вера и религиозное не связаны с критическим мышлением, это разные вещи. Дети в еще более раннем возрасте в состоянии принять какие-то формы восприятия мира, мироощущения, это вопрос дела и совести семьи.

Я. С. Турбовской. Я хочу предоставить слово Наталье Николаевне Найдёновой

Н. Н. Найдёнова: Здесь уже говорили, что стандарты списывались с американских образцов, я хочу сказать – с плохих американских образцов примерно года 1946-го. Если посмотреть современные американские стандарты, как вы знаете, только сегодня появились первые наметки федерального стандарта, а так они у них по штатам. Конечно, все это не так, как есть у нас. Но тема моего сегодняшнего выступления следующая: как эти международные системы оценки качества отражаются в национальных стандартах разных стран, в том числе и в России. Наверно, вы все знаете про знаменитые три исследования ПИРЛС, ТИМС и ПИЗА. Я много о чем могу говорить, но если кто не знает, в ПИРЛСе мы среди ведущих стран, в ТИМСе мы в хорошей серединке, в ПИЗЕ мы, простите, в пятом десятке. ПИЗА проводится с 2000-го г. и вот в одиннадцатом году была последняя.

Я. С. Турбовской. Плохая, значит, методика.

Н. Н. Найдёнова: И поэтому у нас в России постоянно звучит, что мы придумаем у себя новый инструментарий и измерим все страны, мы будем лучше. Но это некий такой международный инструментарий, а участвует в нем порядка семидесяти стран, причем, в отличие от ТИМСа и ПИРЛСа, в ПИЗЕ – только развитые страны с разных континентов, поэтому там даже проводится двойное сравнение: страны развитые и страны-партнеры, и страны развивающиеся, и все вместе. И вот как же эти исследования отразились в этих стандартах. Конечно, я занялась этой проблемой, посмотрела наши стандарты, посмотрела стандарты разных стран. По качеству есть такие четыре страны, которые признают как эталон. Это Финляндия, естественно, Корея, Канада и Куба. Обратите внимание, что Куба – как раз по социальному фактору патриотического воспитания. Что касается нашего стандарта, я вот сейчас хочу сказать следующее. Мы все время сосредотачиваемся на предметности наших стандартов, она у нас более или менее проработана. Когда мы ввели в стандарт метапредметность, не сказав учителю, как ее вообще измерить, на каком уровне и что это вообще такое, – это просто профанация, это просто слова, которые введены в стандарт. Как

это реализовано в ПИРЛСе, ТИМСЕ, ПИЗЕ, понятно, там идейный тест метапредметен по своей сути. В одной тетради, которую ученик получает вот сейчас, здесь, на данном месте есть задания по биологии, по химии, физике, математике, по работе с информацией и т. д. Мы смотрим его, во-первых, мы оцениваем его личный выбор, потому что тест ограничен по времени. Человек, зная, где он может набрать больше баллов, соответствующим образом выбирает задания. Применяя свой метод определения качества образования, так называемый мультиплекс, я столкнулась со следующим. Я даю, например, анкету в школе, и ученику задается вопрос: нравится ему предмет «Математика», он отвечает: «Страшно нравится». А потом ему дается мультиплекс, где за ограниченное время он должен выбрать предмет, по которому может набрать больше баллов, и он математику не выбирает. Понимаете, вот социологический вопрос есть в анкете, и вот вам, пожалуйста, результат. Если тебе это нравится, почему ты ни одного задания не выбрал? Теперь, каково же задание? Во-первых, стандарты всех развитых стран ПИЗА участвуют теперь таким образом. Метапредметность, решение проблем, тесты – вот это, как я называю, определение характера. Они теряют свою предметность. Дается какое-то одно общее, текст, в котором много чего, лишняя информация, еще что-то. И ребенок сам выбирает. Он может из задания к этому тесту выбрать только те, которые ему больше подходят: если, например, он хорош в биологии, он выбирает биологию, а математику он выкинет за скобки. Следующее правило: я перехожу от стандарта к ЕГЭ, потому что стандарты и ЕГЭ близки, ЕГЭ – это главный измеритель наполнения и реализации стандарта. Давайте посмотрим, в ПИЗЕ 50% заданий, которые требуют размышления. Ребенок должен сам подумать, неважно, математическая это задача или биологическая, и сам написать ответ. Давайте сравним наш ЕГЭ. За что у нас ребенок получает эти баллы? Да, конечно, я знаю, что по русскому у нас есть одно задание – эссе. Вот насколько вы в курсе, что только 30% наших детей пишут это эссе, остальные вообще его не пишут. Если мы берем стандарт по русскому языку, то там все так хорошо написано, что должен знать наш ребенок, как и т. д. Я провела такое исследование, докладывала в свое время в государственном психолого-педагогическом университете, как раз по русскому языку, по стандартам, что мы пишем по нашим стандартам и нашим ЕГЭ измеряем то-то, то-то, получаем такой-то результат и делаем такие-то выводы. Когда их начинаешь обрабатывать, измеряется не то и выводы не те. Потому что те, кто у нас разрабатывает стандарты, а потом инструментарию, далеки от всего этого. Есть некоторые учителя у нас в стране, которые потрясающи. Они ничего не знают о педагогических измерениях, может быть, и области такой не знают, но у них такой практический опыт. Я сталкивалась с такими, вот просишь ее и она делает такие задания, которые соответствуют продвинутой ПИЗЕ. Вот такой есть учитель

по геометрии. У нас есть такие учителя, но мы, ученые, их не можем найти. А та группа, которая этим занимается, пусть даже там три группы, работает в узком русле. Как же ПИЗА теперь отразилась? Более глубоко я изучила американский опыт. Первый раз, когда ПИЗА была, это был 2000-й г., тогда Буш издал просто указ, это был указ, которому следовали все школы Америки, то есть нужно это сделать. И Америка поднялась, она там не в золотой середине. Россия ничего не делает в этом плане. У нас есть подвижки, только небольшие, в это вот задание – эссе. Оно вроде бы ничего, но если мы посмотрим, как эксперты ставят баллы за эссе, то это не имеет никакого отношения к методологии ПИЗА. Мы баллы-то выставляем по-другому, субъективно, система так поставлена, чтобы оценивать открытые задания. То есть мы ставим детей в неравные условия. У нас, например, задание на площадь трапеции, на площадь квадрата оцениваются одним баллом, хотя любому математику ясно, что это разного уровня задачи. Такие задачи всегда выравниваются на одну общую шкалу. Наши специалисты по ЕГЭ говорят, что они выравнивают и все это делают. Это неправда, потому что даже в Австралии, чтобы выровнять эту шкалу, занимаются три недели. Мы же проводим ЕГЭ и через три дня даем результаты, по всей России собрали результаты и выровняли. Никакой современной теории там не используется, поэтому нарушаются права детей. Один ребенок получил более сложный вариант, другой – простой. У одного получилось 79 баллов, а у которого более простой вариант – 85 баллов. Этого, у которого 85 баллов, примут, а у которого 79 – не примут.

Я. С. Турбовской: Если можно, в обобщенном виде, какие недостатки современных стандартов Вы видите?

Н. Н. Найдёнова: Первое – это то, что нет образцов инструментария. Это первое, что бросается в глаза по сравнению с другими странами. Любой учитель, беря стандарты в другой стране, имеет образец, как измерить вот это, он может сам по этому образцу сделать кучу заданий, у него есть образец. У нас этого нет. Если метапредметность заявлена, то надо сказать, как это делается. Если в целях заявлено воспитание, должен быть социологический подход. С 1985-го г. в мире измеряется эмоциональный интеллект, не просто когнитивные способности, которые мы привыкли измерять, а эмоциональный интеллект. Вот, пожалуйста, недавний случай в Отрадном. Шикарный ученик, победитель олимпиад, пошел и расстрелял, потому что никогда не развивали ему эмоциональный интеллект, а у них это уже в стандарте записано. Методики существуют, как это измерять, инструментарии существуют и т. д.

Я. С. Турбовской: Обобщенно ваша мысль: некоторые вещи у нас заявляются, но они ничем не обеспечены. Спасибо, Наталья Николаевна!

Ю. В. Северина: Здравствуйте, уважаемые коллеги! Тема семинара у нас заявлена как образовательные стандарты. В основном обсуждение

концентрируется на образовательных стандартах школы, если я правильно поняла. Я бы хотела напомнить, что образовательные стандарты сегодня существуют на всех уровнях образования. Совершенно согласна со всеми замечаниями, недостатками, о которых говорили все по поводу школьных стандартов. У меня два сына. Первый сын в начальной школе уже учится по новым образовательным стандартам, а другой, может быть, не узнает новых стандартов. Мы, конечно, можем сейчас пообсуждать недостатки, но, мне кажется, мало чего сможем изменить, может быть, составить какое-то письмо. Изменить мы можем в той части, где мы работаем по стандартам высшего образования как преподаватели, готовим будущих педагогов к работе по стандартам. В настоящее время, кроме того, что существуют школьные образовательные стандарты, существуют стандарты среднего профессионального, начального профессионального, высшего образования. Они называются ФГОС третьего поколения. Ситуация сегодня такая: если школьные стандарты еще запускаются, внедряются, то в высшей школе ФГОС 3 они приходят к нулю, мы заканчиваем по ним подготовку. И это результат того, что эти стандарты тоже были сделаны непродуманно. С 1 сентября вся высшая школа будет работать по стандартам ФГОС 3 плюс. Они до сих пор не утверждены, потому что идет активная работа по доработке. Путин дал указание Ливанову о том, чтобы он организовал работу по согласованию стандартов высшей школы с работодателем, а Ливанов, наверное, – своим подчиненным. На сайте было, якобы нам не могут представить новых учебных планов, с 1 сентября мы должны по ним работать. ФГОС 3 мы останавливаем, по ним много замечаний, а ФГОС 3+ еще нет, потому что их согласовывают с работодателем. Когда будем делать учебные планы, не понятно. Мы, конечно, готовимся, проектируем, думаем, но тем не менее ФГОС 3+ нам обещают, и мы уже видели проекты того, что они предоставляют вузам больше свободы. Там будет определенный перечень результатов, портрет выпускника в виде компетенций, но не будет регламентов по тому, какие дисциплины нужно преподавать. Мы сами должны подумать, как выстроить подготовку педагога, как выстроить учебные планы для того, чтобы наши будущие выпускники смогли работать по стандартам школы с нашими современными учениками. И здесь, как мне кажется, мы сможем помочь будущим педагогам. Мы должны спроектировать подготовку по ФГОС 3+, который нам предоставит большую свободу, но нет жесткой дисциплинарной структуры, нет рекомендуемых дисциплин. Мы сами будем создавать наполнение. И наполнение учебных планов будущих наших педагогов мы должны создавать, учитывая не только ФГОС 3+ высшей школы, но и обязательно стандарты начальной школы. Мы их должны соотносить. Мало того, есть еще один стандарт, который утвержден. Это профессиональный стандарт педагога. И вот этот профессиональный

стандарт педагога как раз является основой, вокруг которой мы должны работать. В принципе, ФГОС 3+ выравнивается под профессиональный стандарт педагога. Профессиональный стандарт педагога разработан, как нам говорят, работодателями. Сейчас работа идет в учебно-методическом объединении у нас в университете, работает методический совет по психолого-педагогическому стандарту, мы выложили все стандарты, школьные, профессиональный стандарт педагога, стандарты ФГОС 3+, проекты у нас имеются. И вот мы думаем, как это все соотнести, подготовить современного педагога к работе с современными детьми. Еще одно новшество: с 1 сентября у нас будет утвержден впервые образовательный стандарт подготовки аспирантов. Проект был очень сырой, сбрасывали в интернете, потом его убрали. Недавно на курсах в Москве сотруднику показывали издали проект подготовки аспирантов по теологии, с 1 сентября мы должны будущих наших аспирантов набирать не на послевузовское образование, а на высшее образование, они теперь будут студенты третьего уровня образования по стандартам, которые мы еще не видели. Вообще, это очень интересная ситуация, как спроектировать подготовку так, чтобы она была качественной, чтобы мы могли ориентироваться на все портреты выпускника, которые мы здесь обсуждали.

Я. С. Турбовской: Если я Вас правильно понял, Вы сейчас выступаете в роли должников, которые в будущем чего-то сделают. Что же вы сделаете в будущем?

Ю. В. Северина: Ну а как без должников? Мы в системе образования. У нас проверки каждый год. У нас есть долг перед детьми и выпускниками.

Я. С. Турбовской: Вопрос мой к вам вот какой. Вы с пафосом выполняли стандарт три. Теперь вы ждете стандарта плюс. В стандарте три плюс говорится, что вы сами будете выполнять. Что же вы будете делать конкретно, если вы знаете, для того, чтобы выполнялся стандарт? Или вы будете думать только над этим?

Ю. В. Северина: Нет, мы будем разрабатывать, проектировать так содержание. Мы будем разрабатывать и включать в наши учебные планы такие дисциплины, которые помогут нашим будущим выпускникам.

Я. С. Турбовской: Нельзя ли их назвать? Что вы будете делать, чтобы был плюс настоящий?

Ю. В. Северина: Будем разрабатывать и думать над содержанием тех дисциплин, которые нашим выпускникам будут помогать работать в школе.

Н. Н. Найдёнова: Можно одно замечание. Это к разговору о том, как нужно разрабатывать стандарт и его внедрять. Есть так называемый стандарт международной организации для такого рода деятельности. И он занимает от а до я три года. Вот Вы сейчас говорите в будущем времени: вы

разрабатываете, а с 1 сентября вы по нему будете работать. Вот мне это не понятно, если вся международная общественность три года на это берет, как минимум, а мы делаем так быстро, все и сразу...

Н. В. Наливайко: Один маленький комментарий. Только три вуза у нас имеют право разрабатывать стандарты. Свои стандарты. Мы же имеем право опираться только на те стандарты, которые нам диктуют сверху. Но это же не значит, что мы должны работать вслепую и руководствоваться только тем, что нам говорят сверху. Все равно, хотели бы мы того или не хотели, мы обязаны адаптировать стандарты под свои реалии. Именно об этом мы пытаемся говорить сегодня. Я как раз хотела сказать о том, что надо свободу вузам давать. Необходимо, чтобы вузы активно принимали участие как в разработке, так и в наполнении стандартов. Что такое стандарт? Это общественный договор, об этом пишут везде. Мы должны договариваться друг с другом.

Я. С. Турбовской: Еще кто-нибудь из Новосибирска хочет нам рассказать, что мы будем делать? А что мы делаем? Вот Нина Васильевна высказалась. У нас здесь присутствует учительница, доцент и действующий учитель Вера Сергеевна. Она уже один раз у нас принимала участие. Давайте послушаем, что представители практиков говорят об этом самом стандарте.

В. С. Филинова: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Я практикующий учитель математики. И я хочу предложить вам основу для реализации образовательного стандарта не только по предмету «Математика», но и по всем учебным предметам. Оказывается, все зависит от учителя, от его деятельности, в том числе и выполнение стандарта. Деятельность учителя связана со структурой учебно-воспитательного процесса. И нам нужно осознать, как проблему понять, что если учитель что-то не делает, и не делает в течение какого-то времени, то тогда у нас не получится качества образования. И я хочу предложить как основу реализации стандарта технологию педагогического целеполагания, которую разработал Яков Семёнович Турбовской. Почему я ее предлагаю, потому что там очень четко показано, что целью является процесс достижения результата деятельности учителя. Там очень четко показано, как пошагово учитель должен строить свою деятельность, чтобы обеспечивать результативность. Какой шаг первый, второй, третий. Конечно же, есть вариативность, но каждый учитель может это эффективно применить в каждом учебном занятии или на уроке в течение всего программного раздела или темы, в течение четверти, в течение года. Потому что Яков Семёнович еще на рубеже XX–XXI вв. выделил основные цели образования и сказал учителю, что нужно сделать в каждом учебном году, в каждой программной теме при прохождении тем, чтобы обеспечить целостность учебно-воспитательного процесса для каждого предмета и на каждом уроке. Уважаемые коллеги! Я предлагаю

действительно воспользоваться разработками технологии педагогического целеполагания. Опыт применения этой технологии я уже наблюдаю в течение 15 лет не только в своем опыте при работе со школьниками, но и в опыте учителей г. Москвы.

Я. С. Турбовской: Спасибо, Вера Сергеевна, что Вы пропагандируете мою технологию и используете ее. Но суть заключается не в том, что существует педагогическое целеполагание. И ошибка тех целей, которые мы выдвигаем, заключается в том, что мы думаем, что есть абстрактные цели. По технологии есть цели, рассчитанные на один урок, на группу уроков, на целый год и все десять лет. Если мы этой цепочки связанных взаимоотношений не прорабатываем и не обеспечиваем, то мы, по сути дела, профанируем весь смысл целеполагания. Технология и все остальные технологии в образовании не работают, если механически подходить к этому самому делу. Ведь когда мы берем стакан, то в стакан можно насыпать зерно, просо, воду налить... Но целеполагание – это форма, которая позволяет реализовать содержание, но форма, которая сцеплена друг с другом, переходит от урока к уроку, от темы к теме и гарантирует высокую результативность деятельности каждого учителя. Причем там даже показывается, каким образом обеспечивается творчество самого учителя, потому что при одном и том же учебнике, при одной и той же программе результаты могут быть совершенно разные. Наталья Николаевна говорила, что она находит учителей, которые позволяют себе решать самые сложные задачи. Технология позволяет обеспечивать это в массовом порядке, когда учитель понимает, как переходить от внутренней речи ученика к языку науки, как переходить от одного тезауруса темы к другому тезаурусу темы. Если он этого не понимает, то просто профанирует сам смысл цели. Учителя у нас цели выдвигают одни, результаты получают другие, и пишут эти самые цели для начальства, оно от них их требует.

Я. С. Турбовской: Я позволю себе высказать свою позицию. Тема моего доклада – «Смысловая определенность категориального ряда понятий: цель, требование, норма, результат как методологическая основа стандартизации отечественного образования». Не выяснив соотношения этих понятий, мы ничего не сможем сделать, мы просто запутываем публику, широкую массовую практику, называя разными словами одно и то же и, наоборот, разное обозначаем одним словом. Поэтому мы мучительно ищем решение проблемы стандартов, и я хочу сказать, что первый вариант стандартов в школьном образовании был разработан группой Фирсова Виктора Васильевича, я был участником этого стандарта. Там даже есть мой том, который игнорируется теми безымянными разработчиками стандартов, как будто этого тома нет. А что я там сказал в этом томе? Я сказал, что коль скоро мы начинаем решать проблему, надо разобраться в основных понятиях и говорить не о стандарте, а о стандартизации оте-

чественного образования, понимая, что на первом этапе можно сделать, как обходить эту тему, что можем дальше сделать, как обеспечивать результат. Потому что тогда уже были стандарты высшего образования, но сами разработчики этих стандартов жестко их критиковали и в результате, после стольких лет они пришли к тому, что им нужен стандарт плюс три. Мало того, я хочу вам сказать следующую вещь. Смотрите, стандарты первого поколения – 2004 г., стандарты второго поколения – 2009 г., основного общего образования – 2010 г., для среднего образования – 2012 г. А сейчас у нас уже следующее поколение. Высшее образование: первого поколения 2001 г., второе 2005 г., третье 2009 г. Но оказывается, что у этих зафиксированных лет стандартизации есть своя предыстория. Впервые понятие образовательного стандарта в России появилось в 1992 г. с введением Закона РФ «Об образовании». Там обязали ввести систему стандартов. Как они рассуждали, те, кто это делал? Им казалось, что прикажут и завтра будет сделано. И началось. В 1993–1999 гг. разрабатывают временные образовательные стандарты и федеральные компоненты государственного образовательного стандарта. В истории разработки государственных образовательных стандартов общего образования выделяется четыре этапа, сейчас уже пятый. 1993–1995 гг., 1996–1997 гг., 1997–1998 гг., 2002–2003 гг., 2010–2011 гг. И вот теперь в очередной раз мы стоим у разбитого корыта и ищем пути создания нового поколения стандартов. В этой связи мне бы очень хотелось, чтобы мы понимали в нашем сегодняшнем обсуждении, что мы можем внести в решение этой проблемы, понимая, что нужно делать какие-то шаги, которые принципиально способны изменить эту ситуацию. Естественно, что если такую задачу выдвигать и такую цель ставить, то вариантов здесь может быть множество. Я же хотел сказать, что в основе проблемы невозможности укутить свой локоть или перпетум мобиле создать лежит неразведение двух суждений. Первое суждение заключается в том, что цель, ради которой создается стандарт, и стандарт, который решает определенные цели, – это принципиально разные суждения. Смешивание их обуславливает всю дальнейшую мешанину, которая у нас происходит. Мы путаем изначально то, ради чего мы говорим о стандарте, и те задачи, которые стандарт, нами создаваемый, будет решать. Вот если у нас есть ручка, то ручка может быть использована, чтобы писать на этой бумаге, на той, а может быть использована как груз, чтобы ветер не унес этот листок. Ножик может быть использован для того, чтобы резать бумагу, резать дерево, резать что-нибудь другое, а на самом деле он создавался, чтобы резать, но резать он может разные вещи. Вот стандарт и есть попытка понять, не для чего мы его создавали, а как мы его будем использовать. Неразведение этих понятий изначально порождает тот пафос последователей, которые вынуждены были выполнять первый, второй и третий стандарты, а потом видят, что еще нужен и плю-

совой. Если мы не разводим в своем сознании основных понятий, которые определяют нашу мысленную направленность решения, то мы изначально ничего добиться не можем. И вот в этой связи нам с вами нужно понять одну очень интересную вещь. Смотрите, у нас сейчас абсолютно, о чем и говорила Наталья Николаевна, расходятся намерения, которые мы предлагаем, и цели, которые мы реализуем, и результаты, которые мы получаем. Я хочу вам привести, какие требования предъявляются к стандарту русского языка. Например, чего должен достигнуть стандарт русского языка: а) воспитания гражданственности, патриотизма, формирования представления о русском языке как духовной, нравственной и культурной ценности народа, осознания национального своеобразия русского языка, овладения культурой межнационального общения; б) развития способности к социальной адаптации и языковому взаимодействию; в) освоения знаний о русском языке как о многофункциональной знаковой системе и общественном явлении, языковой норме и ее разновидностях, нормах речевого этикета в различных сферах общения; г) совершенствования умения опознавать, сопоставлять, анализировать, классифицировать языковые факты и т. д., и т. п.; ж) применения полученных знаний и умений в собственной речевой практике, совершенствования целесообразности нормативного использования языка в различных сферах общения, повышения уровня орфографической и пунктуальной грамотности. Это то, что должен знать ученик. А теперь, что он должен уметь согласно тому же стандарту. Он должен уметь оценивать устные и письменные высказывания с точки зрения соотношения содержания и языкового оформления, анализировать звуковые единицы с точки зрения правильности, точности и уместности их употребления, проводить лингвистический анализ текста в различных функциональных разновидностях языка. Дальше: объяснять взаимосвязь языка и истории языка и культуры русского и других народов, использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности, использовать разные виды чтения в зависимости от коммуникативной установки текста. Вопрос: куда делись призывы о гражданственности, о патриотизме, о том, что там было написано, о глубинных знаниях духовности, недуховности? Куда это все делось? Зачем мы все это написали в стандарте русского языка? То есть мы это понимаем изначально, как у Ильфа и Петрова в «Одноэтажной Америке»: если вы думаете, что американцы не уважают греческое искусство, то вы ошибаетесь. Все эти коринтиды и атланты у них есть, только выше сорокового этажа. А вокруг этого одна реклама. Поэтому проблема-то и заключается в том, что же мы понимаем под стандартом. И вот мы принимаем следующее определение стандарта. Я вам прочитаю. «Стандарт определяется как нормативный документ, в котором определен основной комплекс правил, норм, мер, предъявляемых к стандартизируемому объекту, в ко-

тором подразумевается многократное использование этих требований и определяются основные характеристики продукции, правила применения и характеристики применительных процессов, продуктов. Следующее определение: «как совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ общего и среднего образования». Далее: в широком смысле слова «эталон, образец, модель для воспроизведения других подобных объектов». Стандарт может быть разработан как на материальный предмет, так и на нормы, правила. В переносном смысле «шаблон, трафарет, не содержащий ничего оригинального». Ничего оригинального нет и в этом определении. И как цели обучения и воспитания и как цели образования закрепляли в особых нормативных документах. Так звучат основные определения стандарта. При такой смысловой разбросанности ситуация с разработкой образовательного стандарта резко усугубляется из-за безграничности возлагаемых на него не только сугубо педагогических, но и социально-общественных надежд и целей. И вся эта совокупность требований к стандарту, начинающаяся с каждого учебного предмета и завершающаяся такими фундаментальными социальными требованиями, как сбережение здоровья, воспитание патриотизма, личная сформированность каждого ученика, дополняется такими требованиями социологов, как необходимость оказания влияния на учащихся для выравнивания социального и материального различия между ними. И все это должен выполнить стандарт. Как видим, к стандарту предъявляются разные не только нецелевые, но и содержательно разные требования. И каждое из них, несомненно, настолько важно и значимо, что разработчики любого варианта образовательного стандарта стремились так или иначе добросовестно отразить. Помните, как картина, в которой что-то не хватает, и каждый рекомендует что-то туда добавить. Так возникает, пожалуй, самый основной вопрос, без ответа на который, как представляется, не достичь нужного результата в разработке образовательных стандартов. Вопрос этот заключается вот в чем. Кому и зачем нужен образовательный стандарт? Анализ вариантов разработанных поколений образовательных стандартов позволяет прийти к двум фундаментально значимым выводам. Сущность первого вывода заключается в том, что на стандарт возлагается задача ответственности за все то, что происходит в школе и все это он должен делать. А сущность второго вывода заключается в том, что стремятся объединить необъединяемое в одном документе, называемом стандартом. А там они настолько разноплановы и разносодержательны, что они не могут быть изначально текстово выражены, потому что это совершенно разные вещи. Так возникает вопрос, о котором я уже сказал, кому нужен стандарт? Но поиск ответа на этот вопрос не столь прямолинеен, как это может показаться. И при этом должен быть предельно избавлен от умозрительного перебора вариантов.

И все же он не так труден. Для этого нужно просто задаться вопросом: разве образование – единственный образ, который используется в стандарте? Ответ однозначно очевиден. Вся деятельность в государстве, как создаваемая продукция, основывается на жестко устанавливаемых государственных стандартах. И если мы считаем, что государству, не ведомству, не министерству, а государству нужны образовательные стандарты, то они могут быть таковыми по существу, если будут соответствовать не целям, не требованиям, а жестко установленным нормам. Не установив нормы, мы профанируем само слово «стандарт». И для государства стандарт – не самоцель, а единственно необходимое проявление своей ответственности перед народом. Только благодаря установленному стандарту государство получает реальную возможность проконтролировать, соответствует ли то или иное производство, то или иное ведомство тому, что заявляет. И тем самым государство выступает гарантом осуществления этого качества. Только четкая норма превращает проблему определения качества создаваемого продукта из бесконечных призывов и умозрительных доказательств в конкретный прогнозируемый и проверяемый результат. И, значит, необходимость разработки любого образовательного стандарта призвана войти в существующую систему образовательного стандарта, государственно существующую систему требований государства. И только государство, не ведомство, не то или иное учреждение является субъектом созданных и создаваемых стандартов. Если признать правомерность такого подхода, то его реальное воплощение в жизнь будет находиться в прямой зависимости от системной совокупности условий, соответствующих специфике самого продукта – образования. И это такие условия, как всесторонний учет специфики, типологической особенности создаваемой продукции, в данном случае образования. Второе. Системного выявления, что в этой продукции может быть отражено и четко представлено как проверяемое и контролируемое соответствующей государственной службой нормой, а что не может быть обеспечено соответствующей формой контроля. Дальше. Благодаря чему могут быть реализованы сугубо специфические особенности создаваемого продукта, отраженные в норме, но тем не менее фундаментально значимые и для государства и для общества и для всех, кто так или иначе причастен к его созданию. Уж коль скоро мы говорим об образовании и образовательном стандарте, то изначально важно признать, что создаваемая норма по определению не может вобрать в себя всех особенностей образовательного процесса и, следовательно, для этого должны быть использованы дополнительные средства, призванные не только не допускать каких-нибудь содержательных потерь, а наоборот, обеспечить их воплощение в жизнь в виде обязательных целей и достигаемых результатов. И на основании этого должны приниматься законы, разрабатываться программы, соответ-

ствующие сущности образовательного процесса. Но это уже будут не государственные стандарты, а необходимый дополнительный набор в виде принимаемых законов в образовании, определенной совокупности ведомственных требований, естественной системы научной и общественной обеспокоенности и формирующих эффективное функционирование системы отечественного образования и его сущностной метацентристской направленности. И от того, что эти законодательные и ведомственные требования не будут называться стандартом, они в сути своей нисколько не пострадают. А бесконечное создание все новых поколений стандартов прекратится, и у отечественного образования действительно появятся государственные образовательные стандарты, органично входящие в существующую систему государственных стандартов. О чем я говорю? Я говорю о том, что существуют законы форматки, согласно которым нельзя вводить и использовать в научном арсенале слово, уже используемое и имеющее определенный смысл. Нельзя расширять его до такой степени, чтобы оно теряло свою смысловую определенность. То, что у нас сделали стандартом, изначально разрушило его содержательную определенность, которая принята во всем мире, и таким образом мы толкаемся в те двери, где дверей-то нет – стенка. В стенку ходить нельзя. Отсюда вытекает проблема. Давайте определим: огромное количество вещей мы отображаем, где и когда они будут использоваться, насколько время должно быть учитываемо в образовании как характеристика бытия, каким должно быть целеполагание на протяжении всех лет обучения, а не только при прохождении того или иного предмета. Как предметы должны быть использованы как средство, а не как цели обучения для сдачи экзаменов, формирования личности и мироощущения, понимания того, к чему ты призван, куда направлен. Тогда мы разведем, что от бога, а что кесарево. Богу – стандарт, государству – всю систему стандартов и контроля. Государство должно иметь систему стандартов, которую не ведомство само создает и себя контролирует, а государство создает специальные службы, которые контролируют, что ведомство создает, а подчиненные ему структуры выполняют. Тогда мы будем понимать, что вот это является стандартом, а вот это является требованием к стандартам, дополнением к стандартам, необходимым правилом, благодаря которому он может быть реализован. Тогда мы будем понимать, о чем идет речь и что зависит от учителя. Вот в технологии педагогического целеполагания я и показываю, что творчество учителя заключается не в том, что мы его призываем вместо науки придумывать что-то, а как оптимально использовать учебник, как найти возможность максимального использования программы и как обеспечить результативность того, чем ты располагаешь. Ведь человек, который не имел компаса, в лесу ориентировался, не научно, но ориентировался. Человечество никогда не ожидало готовых решений от науки, оно бы тогда

умерло, это человечество. Тыком, не тыком, как угодно. Поэтому и проблема заключается в том, чтобы схоласты от науки поняли простую вещь. Надо перед любым делом представлять задачу, которая должна быть сформулирована таким образом, чтобы она могла быть решаемая. Если задача не сформулирована и не решаемая, то незачем людям морочить голову и называть белое черным, а черное красным. Из-за этого ничего не получается. Уважаемые коллеги, я понимаю, что я наговорил много серьезных вещей. Но если мы не понимаем, что мир слов еще более жесток и жесток в своем сцеплении, чем мир жизни. Там нельзя вводить просто так слова. Нельзя пользоваться словами-метафорами вместо тезауруса определений жестких. Научные понятия – это не то слово, которое мы используем в реальной действительности. Надо вернуть уважение к науке через уважение к ее понятию. Мы же наоборот. Физкультурники сейчас пользуются, да кто угодно пользуется. Сейчас уголовники говорят: «Ты нам делаешь проблему». Они уже научной речью пользуются, а наука сама позволяет это делать, растворяя тезаурусное определение каждого термина. Ведь наука – единственная возможность содержательного общения людей друг с другом. И без этой содержательности, определенности нет самой науки. Вот почему вавилонская башня повалилась? Не только из-за разных языков, а из-за разных пониманий того, о чем идет речь. Поэтому науке сегодня нужно вернуть проблему в научное русло, понимая, что не обеспеченный пониманием, четким разведением понятий (цель, средство, результат, требования) стандарт не решаем. И если мы признаем, что мы в стандарт входим не только ради образования, а ради интересов государства, где государство выступает и заинтересованным, и контролирующим органом, мы должны государству эту возможность предоставить. Тогда у нас появится возможность решения стандарта. Когда сегодня учителю говорят о новых стандартах, которые представляются либо как идеал, либо как требование, какой это стандарт. Когда учителю говорят: «Ты сам себе создай программу», кто его в вузе учил создавать эту программу? Что такое создать программу? Люди, которые это предлагают, понимают, что они говорят? Это же такое творчески сложнейшее дело, предполагающее огромное количество знаний, методологических требований. И мы просто перелагаем это на стрелочника, который теперь будет отвечать. Мы с себя слагаем это дело. И пока мы не наведем в нашем научном сознании четкого понимания того, о чем мы говорим, пока мы не вернем словам ясность и категориальную однозначность, мы общаться не сможем. Поэтому, уважаемые коллеги, я посчитал своим долгом, выступая перед вами, столь авторитетной аудиторией, где в принципе мы в критической части сходимся, предложить вам эту идею, где стандарт – дело государства, стандарт должен соответствовать определенной жесткой норме. Все остальное, учитывающее специфику обра-

зования, укладывается в требования, законы, дополнения к программам, во все, что угодно. Но стандарт должен быть четок и определен, потому что, если мы лишаем его смысловой определенности, мы лишаем себя возможности серьезно говорить о стандарте. Спасибо за внимание.

Н. В. Наливайко: Мы вас внимательно слушали. Очень серьезный, нужный доклад. Но знаете, что я хочу сказать. При всем уважении к стандартам, все-таки мой лозунг – свободу педагогу, учителю.

Я. С. Турбовской: Это совсем другое дело. Чтобы он был свободен, его нужно к свободе подготовить в вузе. Мы же выпускаем неучей. Когда Наталья Николаевна говорит, что профанация любого дела – основа принятия управленческого решения.

Н. В. Наливайко: Эту мысль я поняла. Но дело не в том, что учителя плохо работают или не способны. Они способны вносить яркие, умные коррективы в те законы, которые нам спускаются сверху.

Я. С. Турбовской: Нина Васильевна! Беда тому государству, которое рассчитывает, что на местах в его законы будут вноситься коррективы. Поэтому проблема заключается в том, что сначала обсуждаются проекты законов, но принятый закон должен выполняться. Проблема также заключается в том, чтобы мы у себя в голове навели порядок, определили для себя, что мы понимаем под стандартом и начали по-другому готовить в стенах вуза учителей. Ведь у нас сегодня не готовят учителей, готовят людей, сдающих экзамены.

А. В. Пугачёв: Уважаемые коллеги! Мое выступление касается философской рефлексии федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования. Напомню, что указанный ФГОС является правовым актом, содержащим нормативные предписания, то есть обращенным к неопределенному кругу лиц, вовлеченных в образовательную сферу. Обращу ваше внимание на то обстоятельство, что, как и всякий правовой акт, ФГОС является обязательным для всех участников образовательных правоотношений. Так, в п. 4 стандарта сказано, что данный ФГОС является основой для разработки примерных основных образовательных программ, программ учебных предметов, курсов и т. д. Он же, в силу п. 6, устанавливает требования к результатам освоения обучающимися результатов основной образовательной программы. В связи с этим очень важно понимать, что именно представляет из себя ФГОС и каким образом он был разработан. Само по себе употребление в указанном правовом акте термина «стандарт» указывает, с точки зрения этимологии данного термина, на то, что законодатель наиболее вероятно вложил в этот термин такое значение, как шаблон, образец, эталон и т. д. В тексте употребляется также термин «портрет выпускника школы», что также можно истолковать как некое отображение личности с определенными качествами. В связи с этим возникает вопрос: каким

образом была определена совокупность качеств личности, которую следует использовать как эталон, шаблон для конкретного человека? На первый взгляд, ответ на этот вопрос очевиден: совокупность качеств выпускника школы определена в соответствии с социальным заказом, обращенным к образованию. С этим трудно поспорить, исходя из указанных в стандарте качеств, но вместе с тем есть ряд вопросов, ответы на которые не столь очевидны, например: требуется ли формирование всей совокупности качеств личности для приобретения статуса «стандарта», эталона, шаблона или достаточно некоторых качеств? Если да, то какие именно качества являются обязательными, а какие – факультативными? Напомню, уважаемые коллеги, что речь идет о правовом акте, обладающем нормативным предписанием, поэтому наличие в нем неопределенных правовых предписаний недопустимо, поскольку это ведет к классической ситуации, когда суровость российских законов компенсируется их систематическим неисполнением. Ряд вопросов к содержанию стандарта, ответы на которые не только неочевидны, но и неоднозначны, можно продолжать очень долго. Например, для меня лично не понятно, что имел в виду законодатель, используя в стандарте термины «традиционные ценности российского гражданского общества и человечества» и «осознание сопричастности судьбе Отечества». Для философского исследования или художественных образов эти термины вполне приемлемы, но в силу того, что указанные понятия, с одной стороны, многогранны, а с другой – имеют много разнящихся толкований, их использование в правовом акте ставит правоприменителя в крайне затруднительное положение. Но даже если законодатель даст расширительное толкование используемых терминов, что с учетом их специфики представляется весьма затруднительным, то ответ на следующий, вытекающий из первого, вопрос «Каким образом оценить осознание или неосознание, приятие или неприятие “традиционных ценностей российского гражданского общества и человечества”»? дать практически невозможно. Таким образом, можно констатировать следующие обстоятельства: ФГОС как эталон, образец совокупности качеств личности имеет неопределенное содержание при отсутствии адекватного инструментария оценки приобретения этих качеств.

Другим, не менее важным вопросом применения стандартов среднего образования является определение причинно-следственных связей между содержанием образовательных программ и требуемыми качествами личности. Этот вопрос можно сформулировать следующим образом: при формировании каких знаний, приобретении каких навыков и умений образуются определенные качества личности? Что из перечисленного имеет обязательный, а что факультативный характер? Представляется, что поиск ответа на эти вопросы есть процесс очень сложный и крайне далекий от завершения хотя бы в самых общих чертах. Однако законодатель при этом с

достаточной категоричностью устанавливает в качестве правовых предписаний и качества личности как эталон и совокупность знаний, умений как достаточный инструментарий формирования этих качеств.

Если в целом охарактеризовать проблему, то можно констатировать стремление законодателя, то есть государства, к своего рода «оцифровке» выпускника школы и выведению точной формулы формирования личности, адекватной социальному заказу к системе образования. Представляется, что государству в данной ситуации стоит учесть опыт известного литературного героя, пытавшегося вывести «формулу любви». Иными словами, федеральные государственные образовательные стандарты среднего (полного) образования в том виде, в котором они сформированы, не могут служить эффективной целью достижения целей образования.

Я. С. Турбовской: От союза педагогов и философов сегодня много зависит.

А. Г. Лигостаев: Я прослушал проект того, как нужно обращаться со стандартом, о котором Вы рассказали, и пришел к такому странному выводу. Для того чтобы принять стандарт и учить по нему, необходимо определить в России русскую идею. И в соответствии с этой русской идеей государство сделает стандарты.

Я. С. Турбовской: Я был бы с Вами согласен, если бы не знал, что для строителя сарая, дворца или дома космические проблемы не очень актуальны. Не надо ставить решение задачи, как размещать мебель в доме, с решением космических проблем. Что же касается русской идеи, то я на этот вопрос отвечаю. У нас есть русская идея. Эта идея зафиксирована в Конституции – идея федерализма. Россия должна выступить объединительным средством, цементом народов, живущих на одной земле. Если мы будем говорить: «Россия для русских», это разрушительная идея. Проблема заключается в том, что основой для того, о чем вы сказали, является государственная Конституция. Либо мы начнем жить по законам, либо мы никогда ни к чему не придем.

А. Г. Лигостаев: Дело в том, что для меня лично очень значима проблема космического характера: как строится мир, русская идея. И для меня как для строителя сарая, идея очень важна. Если есть идея, которая говорит о том, что ты, человек, должен хорошо работать, должен быть хорошим человеком, дать образец, то, следовательно, это русская идея. Она позволяет мне очень хорошо строить сарай. То же самое относится и к стандарту.

Я. С. Турбовской: Нам нужно искать идею не национальную, а государственную.

А. Г. Лигостаев: Российская идея возможна, если все с ней согласятся. А с федерализмом все согласятся?

Я. С. Турбовской: Конституция на этом основана. Мы называемся Российская Федерация.

А. Г. Лигостаев: Если нельзя определить русскую идею, можно ли объединить все идеи, влияющие на образ выпускника. Может быть, давайте учить просто химии, физике, как это было в советское время?

Я. С. Турбовской: Александр Георгиевич! Дело заключается не в том, что все ко всему можно привязать. Производство автомобиля, телевизора имеет свою технологию, не связанную с абстрактными вещами. Давайте понимать, что в сегодняшнем мире есть разные уровни рассмотрения проблемы. Их не надо смешивать. Вот эта системная уровневая целостность есть основа и решения, и понимания, а если все смешивать, то ни того, ни другого, ни третьего. Ведь Вы в разговоре со мной прибегаете к аргументации для обоснования того, что говорите, а не пытаетесь разобратся в идее того, что мы обсуждаем.

Н. В. Наливайко: Проблема настолько серьезная, что нельзя на маленьком семинаре ответить на все вопросы, но мы вас услышали. И, честное слово, вы нас заставляете думать, более внимательно относиться к тем вещам, которые у нас проходят вскользь.

Я. С. Турбовской: Нина Васильевна! Ведь это же вина философов, логиков, что мы спутали два понятия. Цель как стандарт и стандарт как олицетворение цели. Кто, как не логики, должен был на это указать.

А. А. Гин: Еще в начале 2000-х гг. я беседовал с разработчиком курсов по подготовке летчиков-бомбардировщиков, которые считаются лучшими во всем мире. Никаких национальных идей, ни еще чего-то. Были призваны мастера, суперэксперты. Психологи, педагоги наблюдали, как они работают. Выявляли приемы, которыми они работают. Дальше был составлен список, как проверить, насколько они освоили материал. А после того, как проверили, как этому научить и т. д. Вот такая абсолютно четкая схема. Мне кажется, этой путаницы не было бы, если бы в каждой предметной сфере стандарты не брали бы на себя все хорошее, что можно придумать, а действительно тут, если я вас правильно понял, нужно вычленивать то, что действительно можем на выходе просмотреть, что мы действительно можем или не можем. Не надо учить патриотизму, потому что это не задача школы, а можно давать только очень хорошие тексты, патриотические, чтобы дети их читали. Но проверять потом, патриот он или не патриот, – значит учить лицемерию, и больше ничего. Как недавно мне в одной школе сказали: «У нас лозунг школы – я люблю свою школу». На мой взгляд, ничего, кроме лицемерия, повторение этого лозунга не воспитает. В истории все это было уже неоднократно. Вот построить прозрачную, простую, если не фантазировать и не придумывать глупости, а простую, прозрачную систему оценки, например, начальная школа заканчивается, и ученик должен уметь вот это, вот это и вот это. Это четко проверяется. Как учитель этого добился, это другое дело.

Я. С. Турбовской. В вашем рассуждении есть одна методологическая ошибка. Карл Маркс говорил, что самый плохой архитектор отличается от самой лучшей пчелы тем, что у него есть проект деятельности. Для того чтобы ответить, как складывать на том или ином уровне, надо понимать, чем отличается этот уровень, в чем специфика этой деятельности. Самолеты так можно складывать, а произведения так складывать нельзя. Вы говорите о патриотизме. Когда человек говорит: наша школа воспитывает патриотизм, то он не понимает, что патриотизм – это чувство. Оно либо пробуждается, либо человек имеет только его задатки, либо ты воспитываешь лицемера, который будет лишь говорить, что он патриот. Проблема и заключается именно в том, чтобы мы, педагоги, понимали, что должно быть учтено, на каком уровне, в каком количестве, в какое время, в каких условиях. Без этой проектной разработанности ничего и не будет.

Н. В. Наливайко, А. А. Изгарская, А. В. Пугачёв